



№ 12 (67), 2011  
ДЕКАБРЬ

# НАУКА@ ТЕХНИКА

## Science & Technology



**ДВУХТАКТНАЯ ГЕРМАНИЯ**



**ВКС -  
ТРАНСПОРТ БУДУЩЕГО?**



**НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЕРЕЩАГИН**



**СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА**



# СУПЕРТАНК MAUS

Морской Бюблостале  
 м. М. И. Лазарев  
 с Ураганом  
 с Витор

Р. Носенко Р. 03.12.2011

Сергей Аксентьев



Желание узнать внутренний мир Василия Верещагина возникло после того, как я впервые увидел в Севастопольском Художественном музее его великолепный этюд «Японка». После крови, страданий и боли военных полотен, принесших живописцу оглушительную славу, миниатюрная женщина в цветистом кимоно, возле скромных хризантем, казалась воплощением мира и покоя. Не верилось, что эту солнечную вещь создал человек, поставивший цель красками и кистью обнажить жестокую изнанку войн и своими картинами вызвать у людей отчаянный протест изуверскому способу разрешения конфликтов.

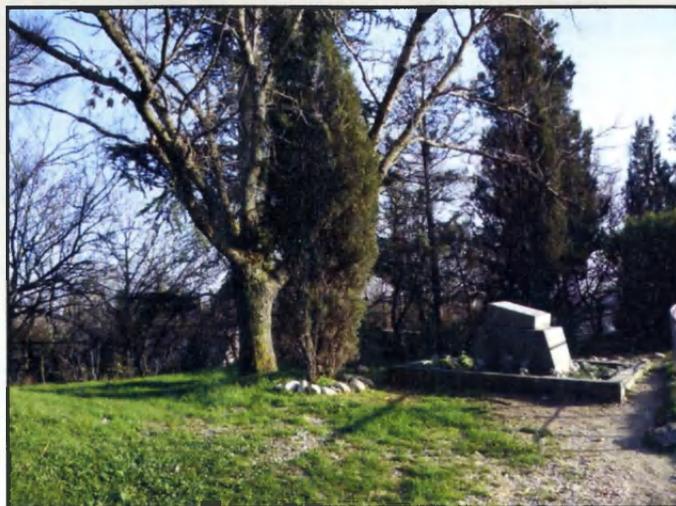
Внимательно знакомясь с литературным творчеством художника, письмами и документами, воспоминаниями современников и историографией, я утверждался в той мысли, что огромный эпистолярный материал, накопившийся более чем за столетие со дня его трагической гибели, так и не раскрывает суть этой неистойвой и сложной натуры. Тогда я рискнул, не претендуя на всесторонний и глубокий охват, создать небольшой цикл очерков о некоторых малоизвестных страницах жизни Василия Васильевича Верещагина. И начать решил с истории появления на свет этюдов военных кладбищ, написанных весной 1896 года в Севастополе, поскольку уже сам этот факт открывает нам нового Верещагина...

# НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЕРЕЩАГИН

## ЧАСТЬ I. СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ ЭТЮДЫ

Крымская (восточная) война 1853-1856 годов застала одиннадцатилетнего Васю Верещагина в стенах Морского кадетского корпуса. Юным кадетам, в целях привития патриотизма и веры в непобедимость русского оружия, полагалось о ней знать не многое. «Нам раздали большие листы Синопской победы, — вспоминает Верещагин в одном из писем В.В. Стасову. — По мнению мелюзги-кадет, так тому и следовало быть: Нахимов или кто другой должны разбить турок, так что дальнейшие затруднения компании, слегка доходившие до наших ушей, были малопонятны: возможно ли, чтобы какие-то англичане и французы могли побеждать нас, русских?!»<sup>1</sup>. Правда, ореол славы, окружавший имя Павла Степановича Нахимова, несколько тускнел и размывался при встрече с Сергеем Степановичем Нахимовым — помощником директора морского корпуса. Как признается Верещагин: «В детских мыслях плохо вязались представления о простейшем, шепелявившем корпусном офицере и блестящей победе от руки его родного брата». От таких смутных познаний Севастополь долго казался каким-то «сказочно-героическим местом, в котором великаны перебрасывались громадными снарядами...»<sup>2</sup>. Созданная пылким воображением кадета сказка манила, но осуществилась не скоро. В марте 1865 года отправ-

ляясь из Парижа на Кавказ, удалось лишь мельком посетить Севастополь. После Турецкой войны 1877-1878 годов состоялся



Место гибели П.С. Нахимова на Малаховом кургане

уговор с Михаилом Дмитриевичем Скобелевым — поближе познакомиться с морской святыней. Не довелось. Прославленный военачальник и друг, с кем вместе прошли Туркестан и Балканы, ночью 25 июня 1882 года скоропостижно скончался в гостиничном номере московского отеля «Англия», располагавшемся в то время на углу Столешникова переулка и Петровки.

Весной 1896 года пятидесятичетырехлетний Василий Васильевич по настоянию врачей отправляется в Крым в имение Жуковского Магарач и, конечно же, сначала посещает Севастополь. В Севастополе, где уже мало что напоминало о героической обороне, художник пробыл не больше месяца и вынужден был срочно возвратиться домой в Нижние Котлы, получив известие о смерти шестилетней дочери Лиды.

### ТАЙНАЯ ЗАДУМКА

**З**ная характер Верещагина, можно с уверенностью сказать: это не было праздное любопытство туриста. Подтверждение тому легко обнаруживается: «Не трудно было, конечно, самому освоиться с городом, — пишет он в рассказе «В Севастополе», — известную графскую пристанью, дворцом Екатерины, даже братским кладбищем, но **для основательного ознакомления с ходом осады города и его обороны** (выделено мной — С.А.) пришлось обратиться к помощи сведущего человека...»<sup>2</sup>.

Итак, художник намеревался основательно изучить крымскую трагедию. Для чего? Время свое Верещагин ценил и попусту не тратил. Значит, существовала задумка. Какая? Бесполезно искать ответ на этот вопрос в верещагинском эпистолярном наследии, а вот логические построения, не нарушая истину, попытаться сделать следует.

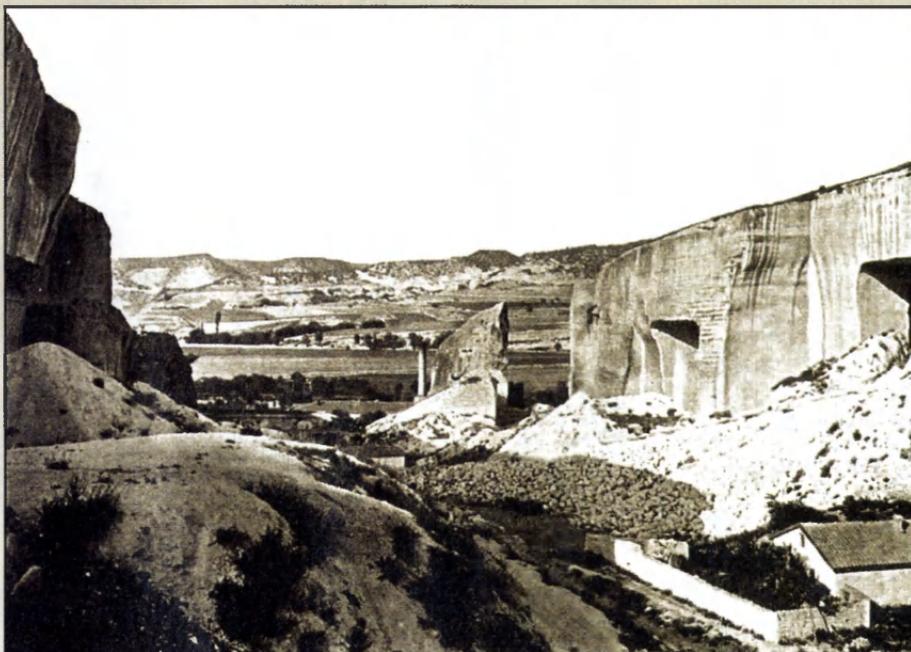
Известно, что реакционная пресса, многочисленные завистники, военная и светская российские власти не раз упрекали художника в антипатриотизме и даже в нигилизме. Апогея вопль ура-патриотов достиг после первых (Москва, 1895 — Петербург, 1896) демонстраций полотен «1812 год». Верещагина обвиняли в унижении русского народа перед французскими завоевателями (картины «С оружием в руках — расстрелять!», «Поджигатели»), в богохульстве (картины «В Успенском соборе», «На этапе дурные вести»), даже в прямом искажении исторических фактов и художественном примитивизме. Вполне вероятно, что ответить на обрушившуюся клевету Верещагин задумал серией картин, поставив в центр Инкерманское сражение 24 октября (5 ноября) 1854 года — одно из самых трагичных событий начала Севастопольской обороны. Но дабы не искушать очернителей и не выдавать никаких векселей, задумку крепко держал при себе.

В Севастополе, как явствует из его рассказа, художник повстречал однокашника Ивана Семеновича Михалкова, «вышедшего на службу прямо в Черное море, которого почти не покидал» и командовавшего в ту пору миноносками. «Он, — сообщает Верещагин, — обещал мне выложить всю свою мудрость по части знакомства с историей севастопольской бойни — мудрость не малую,



Мемориальная плита на месте гибели П.С. Нахимова

так как сам, живо интересуясь ею, он в свое время из первых уст собрал самые полные сведения обо всем, наиболее характеризующем эту интересную страницу истории». И, надо отдать должное, добровольный гид оказался сведущим человеком. Правда, внимательное чтение рассказа наводит на мысль, что осведомленность однокашника (персонаж чисто литературный, поскольку такового не значится в списках выпускников Морского кадетского корпуса<sup>3</sup>) — это результат серьезных «домашних заготовок» самого Василия Васильевича, который, прежде чем отправиться на места севастопольских сражений, основательно проштудировал исторический материал. Это обнаруживается в характерном замечании, сделанным им в другом литературном труде «На войне: воспоминания о Русско-турецкой войне 1877 г. художника В.В. Верещагина». Вот что он пишет: «Справедливость требует,



Каменоломенный овраг, 1854 год

впрочем, заметить, что, **по всему читанному об осаде Севастополя** (выделено мной — С.А.), положение на Шипке было очень сносное сравнительно с таковым в последнем, где противник был интриганом, да и было меньше тех негласных смягчений огня, которые нет-нет, да и практиковались между воевавшими сторонами в турецкую войну»<sup>4</sup>. Не исключено, что во время пребывания в городе Верещагин внимательно ознакомился и с экспозицией музея обороны Севастополя, открытого еще 14 сентября 1869 года в одном из особняков генерала Э.И. Тотлебена. Особенно с экипировкой солдат, матросов и офицеров, вооружением, повседневным бытом воевавших сторон. А цель поездки состояла в детальном изучении фортификации бастионов, редутов, флешей, батарей, а также в сборе примеров героизма солдат, матросов, офицеров, адмиралов, сестер милосердия и городских обывателей.

Подробное знакомство с обороной города художник начал с четвертого бастиона, в юго-западной части Большого бульвара (ныне Исторический бульвар — С.А.), откуда лучше всего видно расположение всей оборонительной позиции, центра, левого и правого флангов. Побывал Василий Васильевич и на Малаховом кургане — месте гибели Павла Степановича Нахимова, и в

Балаклаве — главной базе коалиционных войск. И чем больше узнавал об одиннадцатимесячном отчаянном сопротивлении защитников морской цитадели, тем больше убеждался, что история, к сожалению, ничему не учит наших высокопоставленных военных. Неподготовленность армии, неразбериху в первые дни войны, «шапкозакидательство», воровство и распутство военных чиновников с одной стороны, ничем не оправданную гибель тысяч солдат, офицеров, их беспримерные героизма и стойкость — с другой он видел своими глазами на Балканах. Там, как и в севастопольскую оборону, избежать позорного поражения удалось лишь благодаря незаурядным личностям из числа немногочисленных военных профессионалов. В Севастополе это были П.С. Нахимов, Л.Г. Корнилов, С.А. Хрулев, Э.И. Тотлебен, на Балканах — М.Д. Драгомиров, М.Д. Скобелев, Н.И. Скрыдлов, Ф.Ф. Радецкий. И совершенно естественно после этого знакомства появление на свет проникновенного девяностостраничного рассказа «В Севастополе» — о беспримерной героической обороне крымской морской цитадели. Так он поступал всегда, прежде чем брался за осуществление большого творческого замысла.

#### У СКОРБНЫХ СКРИЖАЛЕЙ

Известно, что во время своих разъездов Верещагин всегда много рисовал. Долгое время считалось, что севастопольские исторические экскурсы художественного отображения не нашли. Но это не так. На состоявшейся двумя годами позже после поездки в Севастополь московской выставке в залах Строгановского училища (25 октября — 15 ноября 1898 года)<sup>5</sup> среди картин наполеоновской серии демонстрировалось и пять новых этюдов: «Скала под Инкерманом» (два); «На Юге. Французское кладбище в Севастополе»; «Главный памятник (среди кладбища)» и «Кладбище англичан».

След этих этюдов теряется. В каталогах последующих выставок, в многочисленных альбомах и публикациях ни репродукций



Часовня в память павших в Инкерманском сражении. Фотография начала XX века

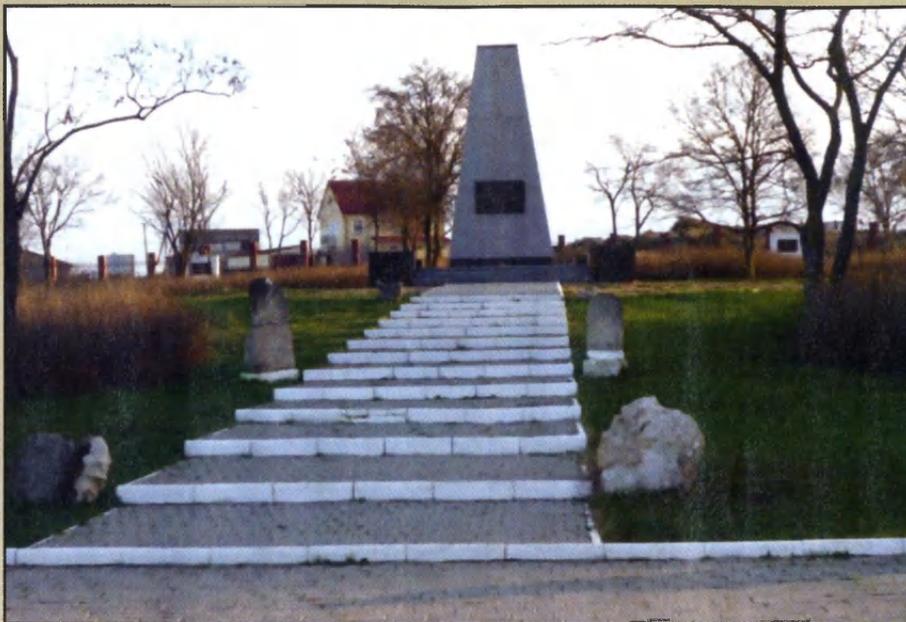
севастопольских этюдов, ни упоминаний о них не встречается. Не исключено, что разбросаны они по экспозициям провинциальных музеев под другими названиями. Возможно, утеряны или погибли, как многие произведения художника. Велика вероятность, что вывезены за рубеж оккупантами в числе несметных художественных ценностей во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов или осели в частных коллекциях любителей живописи. Одним словом, пока судьба этих этюдов не известна. Как, впрочем, не известно, почему задумка (если таковая существовала) создать серию картин о севастопольской обороне 1854-1855 годов не воплотилась в жизнь. Можно только предполагать, что этому помешали и трагические семейные события, и осознание, что все это уже пережито, прочувствовано и выстрадано на Балканах. И неодолимое желание наперекор всему довести наполеоновскую эпопею до конца, добиться признания картин на родине и сохранить их в одном из музеев России. И, наконец, душевная опустошенность, физическая усталость, разочарование и психологическая неготовность к новой масштабной работе...



Склепы на французском некрополе. Фотография начала XX века



Каплица на французском военном кладбище



Французское кладбище в Севастополе, современный вид

Однако вернемся к загадочным этюдам и попытаемся представить, что на них могло быть изображено, опираясь на сохранившиеся старые фотографии, исследования историков, краеведов<sup>(6,7,8)</sup> и... комментарии самого Верещагина.

#### СКАЛА ПОД ИНКЕРМАНОМ

Это дань памяти погибшим в Инкерманском сражении 24 октября (5 ноября) 1854 года. Вот краткая хронология событий устами историков. Адмирал А.С. Меншиков предпринял попытку прорыва между линиями осаждавших и войсками поддержки. Главный удар пришелся на британцев. Сражение длилось весь день, причем обе стороны полностью утратили управление и контроль. Шаткое равновесие было нарушено, когда в бой вступила французская бригада генерала Боскета. Меншиков отступил, понеся большие потери.

А вот как этот эпизод описан в рассказе Верещагина, а затем прокомментирован в «Указателе выставки картин и этюдов В.В. Верещагина» (М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнеров и К<sup>о</sup>, 1898. — С.4): «Скала под Инкерманом, на которой разыгрался последний акт драмы Инкерманского боя. С этой скалы была сброшена часть наших войск: за шумом и беспорядком отступления, добежавшим до края утеса нельзя было остановить напора всей многотысячной массы спасавшихся от погрома, и несколько сот человек пехоты и кавалерии были сбиты в кручу. Окруженная деревьями, часовня внизу горы покрывает тела убиравшихся».

История упоминаемой часовни такова. После окончания войны по инициативе участника этой страшной трагедии, унтер-офицера Н.А. Коновченко, по подписке собрали деньги. На братской могиле воинов установили крест, а могилу обнесли каменной оградой. В 1882 году Н.А. Коновченко умер, не успев осуществить главную цель своей жизни — соорудить часовню и восстановить находившийся вблизи братской могилы средневековый пещерный храм Святой Софии. Часовню построили уже после его смерти — в 1885 году. К ней ежегодно в день Инкерманской битвы духовенство Свято-Климентовского монастыря совершало крестный ход. А храм Святой Софии восстановили лишь в 1904 году, к 50-летию Оборона Севастополя, и назвали его храмом во имя иконы «Всех скорбящих радостей».

До наших дней ни часовня, ни храм Святой Софии не дожили. Во время Великой Отечественной войны в этом месте шли

ожесточенные бои, и сейчас оно представляет собой чудовищное нагромождение каменных глыб, а рядом железнодорожный сортировочный узел. Как выглядели этюды «Скала под Инкерманом» — не знает никто...

#### НА ЮГЕ. ФРАНЦУЗСКОЕ КЛАДБИЩЕ В СЕВАСТОПОЛЕ

Вот комментарий Верещагина к картине, представленный в упомянутом каталоге Строгановской выставки: «Кости убитых воинов, до 80 000 человек, были вырыты с полей битв и погребены в отдельных павильонах, внутри этой ограды. Посредине офицеры генерального штаба, вдоль стен в порядке гвардия, армия, артиллерия, флот. Кости офицеров выше, солдат — ниже; черепа в одном месте, остальное в другом». А вот что повествуют севастопольские краеведы: в 1863 году французское правительство при-

### GARDE IMPERIALE

1<sup>o</sup> Brigade : 1<sup>o</sup> et 2<sup>o</sup> Régiments de Voltigeurs  
 2<sup>o</sup> Brigade : 1<sup>o</sup> et 2<sup>o</sup> Régiments de Grenadiers  
 4<sup>o</sup> Brigade : 6<sup>o</sup> et 9<sup>o</sup> Régiments de Cuirassiers  
 Régiment de Gendarmerie à pied  
 Escadron de Gendarmerie à cheval  
 Régiment des Guides

Надпись на одной из стел французского кладбища

обрело у русского генерала А.Б. Бракера землю (около гектара) на месте бывшей главной квартиры французской армии и там организовало соборный некрополь. Его огородили каменной оградой. На каменных колоннах кованых ворот установили мраморную доску с надписью на французском и русском языках: «Французское кладбище 1854-1855 гг.» и «Земля французской республики». Возле входа поставили двухэтажный дом, в котором до 1917 г. жил французский вице-консул в Севастополе, он же и смотритель кладбища. В центре некрополя находилась пирамидальная одиннадцатиметровая каплица, увенчанная четырехконечным крестом и мемориальными плитами с именами погребенных здесь генералов. Не эта ли часовня изображена на этюде «Главный памятник (среди кладбища)»? С трех сторон кладбища размещались семнадцать однотипных склепов-саркофагов с двускатными крышами. На боковых фасадах склепов имелись мемориальные мраморные доски с именами офицеров с указанием чина и рода войск, а над входом — латинские кресты и доски из белого мрамора с текстами. Во время Второй мировой войны кладбище пострадало, но в целом сохранилось. Возле него и на самом некрополе в 1941-1942 годах и в мае 1944 года хоронили участников боев за Севастополь. После смерти в 1958 году последнего смотрителя кладбища Н.А. Дорохина дом, часть ограды и несколько саркофагов разобрали на строительные материалы, а в 1982 году часовню и склепы варварски уничтожили. Нынешний облик восстановленного французского кладбища далек от утраченного оригинала.



Английское военное кладбище в Севастополе, начало XX века

### КЛАДБИЩЕ АНГЛИЧАН

Этот этюд Василий Васильевич снабдил такой справкой: «... полное надгробных памятников, большинство которых поставлено не над прахом павших, оставленных там, где они были зарыты вначале. Каменщики, выбивающие плиты по окрестностям Севастополя, и теперь находят много пуговиц, пряжек, медалей и т.п., продаваемых ими английским туристам». Краеведы же сообщают: в 1882 году в трех километрах от Севастополя по Воронцовскому шоссе (старая Ялтинская дорога), на средства Великобритании было устроено английское военное кладбище. Собираемый некрополь получил название Каткартов холм по имени похороненного там генерала Георга Каткарта, участника сражения при Ватерлоо, а в период севастопольской осады 1854-1855 годов командовавшего 4-й английской дивизией и погибшего в Инкерманском сражении. По некоторым данным, на этом кладбище имелось около 450 общих и индивидуальных могил. В 1939 году английское кладбище посетил двадцатитрехлетний Константин Симонов. Увиденное взволновало поэта. На свет явилось стихотворение «Английское военное кладбище в Севастополе». Есть там пронзительные строки:

...Сержант покойный спит здесь. Ради бога,

С почтением склонись пред этот крест!  
Как много миль от Англии, как много  
Морских узлов от жен и от невест.  
В чужом краю его обидеть могут,  
И землю распахать, и гроб сломать.  
Вы слышите! Не смеите, ради бога!  
Об этом просят вас жена и мать!  
Напрасный страх. Уже дряхлеют даты  
На памятниках дедам и отцам.  
Спокойно спят британские солдаты.  
Мы никогда не мстили мертвецам...

Во время обороны Севастополя 1941-1942 годов часть ограды и сторожку смотрителя разобрали на строительство блиндажей и ДЗОТов оборонительного рубежа. Сильно пострадало кладбище и от бомбардировок. В феврале 1945 года, во время Ялтинской конференции, его посетил премьер-министр Великобритании У. Черчилль с дочерью Сарой. По просьбе англичан на вершине холма Каткарта 27 октября 1991 года был открыт памятный знак с текстами на английском и русском языках. В том же году решением Севгорисполкома под мемориал отвели 1,04 га земли. Однако наспех сооруженный мемориал быстро пришел в удручающее состояние, в каком и пребывает поныне, окруженный мусорными свалками. А с покосившегося от времени памятного знака «металлодобытчики» давным-давно сорвали бронзовые доски с подобающими текстами. Правда, в 2009 году недалеко от Каткартова холма, на выезде из Севастополя возле поселка Дергачи, воздвигли новую гранитную стелу и к ее подножию перенесли несколько уцелевших фрагментов надгробий с первоначально созданного мемориала.



Фрагмент захоронения на могиле Георга Каткарта

Василий Васильевич, не воплотив задумку в жизнь, судя по всему, ревниво следил за художественными новинками, посвященными севастопольской страде, и очень сожалел, что царское правительство, в очередной раз презрев его талант, отдало заказ



Английское военное кладбище Холм Каткарта. Возможно, этюд

написание панорамы в честь 50-летия окончания героической обороны Севастополя академику батальной живописи Францу Рубо. Обсуждая с министром двора бароном В.Б. Фредериксом свои планы продолжения работы над серией картин «1812 год», он в письме (7 (20) мая 1903 года) недвусмысленно намекает на ошибочность принятого решения: «Если Вам угодно, я помечу то, что можно бы сделать (на Бородинском поле — С.А), не прибегая к расходам, к тем экстравагантностям, которые приводятся теперь в исполнение в Севастополе и которые представляют дорогостоящую безвкусицу, ни мало не помогающую делу ознакомления будущих поколений с историей обороны»<sup>9</sup>. Тут Василий Васильевич

оказался неправ. Панорама героической обороны Севастополя 1854-1855 годов, пережив жестокие испытания революциями и войнами, и поныне являет собой уникальный образец русской батальной живописи, вызывая восхищение миллионов людей.

...И пусть задуманное не состоялось, но севастопольцы не забыли о визите в черноморскую цитадель именитого живописца. Почти век спустя (7 мая 1992 года) память о нем возродилась в присвоении имени Василия Верещагина одной из новых улиц города.

*Продолжение следует*



Восстановленный в 2009 году мемориал на Каткартовом холме

Примечания

1. Переписка В.В. Верещагина и В.В. Стасова. В 2-х томах. Т1.— М.: Искусство, 1950.—423с.
2. В.В. Верещагин «В Севастополе. Рассказ художника В.В. Верещагина» —Москва, Типо-литография тов. И.Н. Кушнеров и К°, 1900г. — 90с.
3. Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 года/ с приложением списка выпускников 1753-1896гг. — С.— Петербург, 1897. — С. 255-260.
4. В.В. Верещагин «На войне: Воспоминания о Русско-турецкой войне 1877г. художника В.В. Верещагина»—М.: Изд-во Товарищества И.Д. Сытина, 1902г
5. Указатель выставки картин и этюдов В.В. Верещагина с описательным текстом. — Москва, Типо-литография тов. Н. Кушнеров и К°, 1898 — 22с.
6. Г. Москвич. Путеводитель по Крыму 1913. — С.— Петербург, 1913 — 57с.
7. В.Н. Гуркевич. Французское военное кладбище в Севастополе и его смотритель Жозеф Равве. Газета «Слава Севастополя» 7 июля, 1990.
8. Памятники Севастополя. Английское военное кладбище.
9. В.В. Верещагин. Избранные письма — М.: Изобразительное искусство.1981. С.199-200.

